

Лу Канцзин вздохнул:

— Мы уже почти помирились, но пару дней назад отец Сун Мянэ получил письмо, в котором я признавался в своей ориентации. У него сразу случился сердечный приступ. Сун Мянэ раньше говорил мне, что его семья никогда не примет его отношения с мужчиной, и просил не беспокоить его родителей. После этого он был в ярости, я звонил ему, но он не брал трубку, не отвечал в WeChat... Я...

Тан Сю выпрямился и прервал его:

— Ты сам писал это письмо?

Лу Канцзин горько усмехнулся:

— Разве я мог написать такое? В письме было всё: и про мои наркотики, и про то, как Сун Мянэ покрывал меня. Его отец был в бешенстве: его сын связался с геем, да ещё и наркоманом, который разрушил его карьеру.

Тан Сю на мгновение замолчал.

— Кто ещё, кроме меня, знает о ваших отношениях с Сун Мянэ? Не только о вашем тайном романе, но и об инциденте с наркотиками за рулём?

Лу Канцзин заколебался, посмотрел в глаза Тан Сю:

— Один человек... Режиссёр Цзян. В тот день в подземном гараже он тоже был.

— Не может быть, — Тан Сю резко покачал головой.

Лу Канцзин замешкался, затем медленно сказал:

— Я знаю, что не может. Режиссёр Цзян — важная персона, ему незачем играть в такие игры. Если бы он действительно хотел нас уничтожить, то просто вышел бы и рассказал всё.

Тан Сю понял, что его реакция была слишком резкой, и кивнул, отхлебнув чай.

— Кстати, этот человек подделал мой почерк очень точно, сходство более девяноста процентов. Я хотел предъявить доказательства, чтобы Сун Мянэ перестал злиться, но как только результаты анализа показали это, он просто вышвырнул меня из дома.

Тан Сю молчал.

Вспомнив, как Сун Мянэ в гараже ударил Лу Канцзина по голове, Тан Сю не удержался:

— У вас с ним... странные отношения.

Лу Канцзин опустил голову, погружившись в глубокую меланхолию.

Тан Сю допил чай, но тучи над головой Лу Канцзина не рассеялись.

— Так зачем ты пришёл ко мне?

— Кумир! — Лу Канцзин резко поднял голову:

— Ты мой кумир, мой отец! Когда я был под наркотиками за рулём, ты, только что попав в индустрию, смог заметить следы. И вчерашняя новость о тебе — это просто круто. Я всё обдумал, и только ты можешь мне помочь. Хотя Сун Мянью рано или поздно поймёт, но я боюсь...

— Ты боишься, что тот, кто это устроил, знает все ваши секреты, но не выходит на связь, а вместо этого продолжает вредить тебе, да?

Лу Канцзин энергично кивнул:

— Именно! На самом деле, А-Мянью ушёл из индустрии, и я чувствую себя неловко, наслаждаясь славой. Я не боюсь, что мои секреты раскроют, я готов уйти. Но я боюсь, что он снова навредит А-Мянью и его семье, я...

Тан Сю махнул рукой:

— Ладно.

Лу Канцзин был нерешительным и постоянно нарывался на неприятности, и Тан Сю не хотел ему помогать. Но тут был замешан Сун Мянью, парень с принципами, с которым у него были хорошие отношения. Оставаться в стороне было бы неправильно.

Тан Сю снова потерял виски, чувствуя, как болит голова. Он не знал, какая у него судьба, но всё время влипал в какие-то истории.

— Ты раньше работал с Сун Мянью? В шоу, фильмах — всё считается.

Лу Канцзин кивнул:

— Два месяца назад мы снимались вместе в реалити-шоу на природе, но только два эпизода, как специальные гости.

— Кто ещё был в этом шоу?

Лу Канцзин нахмурился, словно пытаясь вспомнить:

— Я позже составлю список тебе. Многие были артистами W, о, и почти все попали в съёмочную группу «Плахи для лис».

— «Плаха для лис»? Артисты W? — В голове Тан Сю мелькнула мысль:

— Того, кто снял, как Сун Мянью избивает тебя, нашли?

Лу Канцзин смутился и горько усмехнулся:

— Какие поиски? Мы оба смирились с этим. Просто хотели, чтобы всё улеглось, и жить спокойно.

При упоминании спокойной жизни его взгляд снова стал рассеянным.

Тан Сю посмотрел на него, начав обдумывать план.

В тот день, когда Сун Мянью наказал Лу Канцзина, было не время обеда, и весь шестой этаж был пуст. Кроме него и Цзян Цяо, там был только тот, кто снимал. Кто бы это ни был, достаточно

было проверить записи с камер.

Лу Канцзин осторожно спросил:

— У тебя есть идеи?

Тан Сю покачал головой:

— Это нужно обдумать. Я подумаю, что можно сделать.

— Спасибо, — Лу Канцзин был тронут до слёз.

Тан Сю вдруг понял их странные отношения. Лу Канцзин, казавшийся спокойным и надёжным, на самом деле был наивным и не мог устроить свою жизнь. Когда он смотрел на тебя с мольбой, он был как щенок. Неудивительно, что Сун Мян, грубый и резкий, относился к нему как к сыну.

Тан Сю вздохнул:

— Возвращайся, продолжай реабилитацию.

Он снова посмотрел на телефон Лу Канцзина и не удержался:

— Не пиши ему сотни сообщений. Если хочешь, чтобы он ответил, просто не связывайся пару дней, и он сам тебя найдёт.

— А? — Лу Канцзин растерялся, заикаясь:

— По... почему?

— Ты не слышал, что навязчивость только отталкивает?

Лу Канцзин смотрел вслед Тан Сю, и в душе у него возникло некое озарение.

Раньше он думал, что этот парень, только что вступивший в общество, чист, как цветочный бутон. Оказалось, он был настоящим профессионалом.

Глубоко скрытый, очень глубоко.

...

Тан Сю только подошёл к двери своей квартиры, как напротив открылась дверь.

Цзян Цяо вышел с наполовину пустым мусорным пакетом и поставил его у двери. Подняв голову, он усмехнулся:

— Ты вернулся.

Тан Сю, прислонившись к двери, улыбнулся:

— Режиссёр, вы так часто меняете мусор, даже если пакет наполовину пуст. Не расточительно ли?

Цзян Цяо без выражения ответил:

— Менять мусорный пакет каждый день — это гигиеничная привычка.

Тан Сю засмеялся, открыл дверь:

— Сегодня вечером я собираюсь приготовить ужин. Присоединишься?

— Хорошо, мне как раз нечего есть.

Тан Сю заглянул через плечо Цзян Цяо в его гостиную и увидел на столе пустую миску, которую ещё не убрали. Цзян Цяо кашлянул и, не меняя выражения лица, сказал:

— Это с утра. Не видишь разве, это каша.

Тан Сю усмехнулся:

— Вы часто меняете мусор, а вот посуду моете редко. В следующий раз, когда Ли Цзыпин попросит меня подкупить вас, я куплю вам посудомоечную машину.

Цзян Цяо ничего не сказал, с невозмутимым лицом вошёл в квартиру Тан Сю. Тан Сю закрыл за ним дверь, и в комнате стало темно. Цзян Цяо щёлкнул выключателем.

Щёлк.

Свет не загорелся.

Цзян Цяо удивился, несколько раз щёлкнул выключателем, но комната оставалась тёмной, как будто свет умер.

Тан Сю сказал:

— Лампочка перегорела. Я посмотрю.

Он снял обувь и пошёл в спальню, чтобы включить свет там. Свет в спальне горел, только в гостиной была проблема. Тан Сю взял стул и поставил его под люстру:

— Наверное, лампочка перегорела, я её сниму.

Но прежде чем он успел подняться, Цзян Цяо схватил его за руку и оттащил в сторону, без лишних слов встал на стул:

— Ты после съёмок еле на ногах стоишь. Если упадёшь, я не хочу везти тебя в больницу.

С этими словами он быстро снял лампочку.

В темноте с длинной лампочкой в руках было неудобно держать равновесие, и Тан Сю протянул руку, чтобы помочь.

Цзян Цяо посмотрел на эту маленькую руку, и перед ним встал выбор.

Первый вариант: передать лампочку Тан Сю и с достоинством спрыгнуть самому.

Второй вариант: продолжать держать лампочку, чтобы у него была причина, чтобы Тан Сю помог ему спуститься.

Как настоящий режиссёр, Цзян Цяо выбрал второй вариант.

Маленькая рука Тан Сю выглядела худой, но на ощупь была мягкой, с идеальной температурой и влажностью.

К сожалению, как только Тан Сю помог ему спуститься, он отпустил руку и открыл шкаф:

— У меня нет запасной лампочки. Может, приготовим ужин у тебя?

Кухня и столовая были открытыми и находились в гостинной, без света готовить было невозможно.

Цзян Цяо, недолго думая, достал телефон:

— У меня дома нет ни зёрнышка риса. Закажем доставку.

<http://bllate.org/book/16171/1449817>